

DOI: 10.31696/2618-7302-2020-1-211-225

**БАЛБИР МАДХОПУРИ. БАНЬЯН — «ДЕРЕВО ЧАМАРОВ»
(ГЛАВА ИЗ АВТОБИОГРАФИИ «ОБРУБЛЕННОЕ ДЕРЕВО»)**

© 2020

А. В. Бочковская*

Публикация представляет собой комментированный перевод с хинди главы из автобиографии «Обрубленное дерево» (*Chāngiā rukh*, 2002; в английской версии — *Against the Night*) Балбира Мадхопури, известного индийского писателя, поэта, переводчика, журналиста и общественного деятеля. В нее включены эпизоды из жизни низкокастовых обитателей одной из деревень северо-западного штата Пенджаб в 1960–1970-х гг. Спустя два десятилетия, прошедших к тому времени после обретения Индией независимости, участь людей, находившихся в самом низу социальной лестницы, по-прежнему оставалась незавидной, несмотря на конституционный запрет неприкасаемости в какой бы то ни было форме. Основной социальный конфликт сельских районов Пенджаба — между высококастовыми землевладельцами-джатами и низкокастовыми кожевниками-чамарами, уборщиками-чухра и другими «обслуживающими» категориями населения — сохраняется и поныне, лишь частично изменив форму. Балбир Мадхопури, родившийся и выросший в чамарском квартале пенджабской деревни Мадхопур, прошел трудную школу жизни, но смог получить высшее образование и заняться литературным творчеством. В автобиографическом романе он делится детскими воспоминаниями и эмоциями, определившими его мотивации к борьбе за выход из круга нищеты и бесправия. Особое место в книге занимает метафора тянущегося к свету непокоренного дерева — некогда мощного и раскидистого баньяна, который был центром жизни и душой чамарской части Мадхопура, но по прихоти деревенской «элиты» оказался обрубленным и искореженным, как и судьбы подавляющего большинства низкокастовых обитателей Мадхопура.

Ключевые слова: Индия, Пенджаб, каста, неприкасаемость, идентичность, далитская литература.

Для цитирования: Бочковская А. В. Балбир Мадхопури. Баньян — «дерево чамаров» (глава из автобиографии «Обрубленное дерево»). *Вестник Института востоковедения РАН*. 2020. № 1. С. 211–225. DOI: 10.31696/2618-7302-2020-1-211-225

* Анна Викторовна БОЧКОВСКАЯ, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Южной Азии Института стран Азии и Африки МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва; anna.bochkovskaya@gmail.com
Anna BOCHKOVSKAYA, PhD (History), Associate Professor, Department of South Asian History, Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University; anna.bochkovskaya@gmail.com
ORCID ID: 0000-0001-6666-4246

BALBIR MADHOPURI. HAMĀRĀ, CAMĀRŌ KĀ BARGAD
(A CHAPTER FROM CHĀNGIĀ RUKH / AGAINST THE NIGHT)

Anna Bochkovskaya

This commented translation from Hindi of a chapter from the *Chāngiā rukh* (*Against the Night*) autobiography (2002) by Balbir Madhopuri, a renowned Indian writer, poet, translator, journalist and social activist, brings forward episodes from the life of low-caste inhabitants of a Punjab village in the 1960s — early 1970s. After two decades after independence, destinies of those stuck in the lowest part of the social ladder remained unenviable — despite the fact that according to India's constitution, untouchability was abolished and its practice in any form was forbidden. The main social conflict in Punjab's villages between high-caste landowners, Jats, and low-caste *chamars*, *chubras* and other village servants is still underway — with only minor modifications. Following the school of hard knocks of his childhood in the *chamar* quarter of Madhopur, a village in Jalandhar district, Balbir Madhopuri managed to receive a good education and take to literature. Narrating his story, Balbir Madhopuri shares childhood memories and emotions that determined his motivations to struggle against poverty, deprivation and injustice. The metaphor of a hardy *bargad* — a strong and powerful tree that used to be heart and soul of *chamars'* area in Madhopur, but was slashed and distorted at a whim of the high and mighty villagers — holds a special place in the book.

Keywords: India, Punjab, caste, untouchability, identity, Dalit literature.

For citation: Bochkovskaya A. Balbir Madhopuri. Hamārā, camārō kā bargad (A Chapter from Chāngiā rukh / Against the Night). *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2020. 1. Pp. 211–225. DOI: 10.31696/2618-7302-2020-1-211-225

Автобиографический жанр доминирует в так называемой далитской литературе современной Индии. Термин далит (*dalit* — букв. угнетенный, приниженный) стал широко использоваться с 1970-х гг. для обозначения лиц, принадлежащих к низшим социальным стратам — прежде всего, к зарегистрированным (в прошлом — неприкасаемым) кастам и отсталым племенам. Политика «позитивной дискриминации» в отношении таких категорий населения, конституционно закрепленная в независимой Индии, дала положительные результаты в социально-экономической и культурной сфере, хотя множество проблем далитов остаются нерешенными.

За прошедшие десятилетия в Индии появилось немало количество писателей-далитов, голос которых хорошо слышен в общественно-политической жизни страны. Основу их автобиографических произведений в большинстве случаев составляет эмоциональный рассказ о социальной несправедливости и жестоком отношении со стороны высших каст, окружавших их семьи в деревнях или — реже — в городах, где они жили, и о том, как эти тенденции проявляются в современной Индии. Интерес к автобиографиям далитов, как и в целом к «далитской литературе», сегодня обусловлен прежде всего высокой степенью политизированности кастовой проблематики. Поэтому далитские «рассказы о себе» привлекают внимание не только индологов-литературоведов, но и историков, социологов, культурологов, а также исследователей, работающих в смежных дисциплинах.

Штат Пенджаб на северо-западе Индии, отличающийся очень высокой долей низкокастового населения (более 30 % жителей штата при среднеиндийском показателе

около 16 %), дал Индии известные имена писателей-далитов, в числе которых Лал Сингх Дил, Прем Горкхи, Балбир Мадхопури, Атарджит и другие.

Автобиографический роман Балбира Мадхопури (р. 1955) «Обрубленное дерево» (*Chāngiā rukh*, 2002), переведенный с панджаби на хинди [Madhopuri, 2007] и другие южноазиатские языки, а также на английский язык [Madhopuri, 2010], хорошо известен в Индии и Пакистане. Его автор — ныне признанный писатель, поэт, переводчик, журналист и общественный деятель, родившийся в маленькой деревушке Мадхопур в панджабском дистрикте Джаландхар, прошел в детстве через традиционнo-унизительную далитскую «школу жизни», но затем смог получить высшее образование и заняться литературным творчеством. Перу Балбира Мадхопури принадлежат четырнадцать романов и три сборника стихов на его родном языке — панджаби, а также целый ряд публицистических произведений. Более 30 книг были им переведены на панджаби с хинди и английского; в 2014 г. он получил высшую награду Литературной академии Индии за переводческую деятельность и вклад в развитие языка панджаби.

«Обрубленное дерево» представляет собой «я»-повествование о жизни низкокастовых-чамаров в панджабской деревне Мадхопур в 1960–1980-х гг., а также о сохранении кастовых предрассудков и связанных с ними форм дискриминации в более поздние десятилетия, — то есть о факторах, способствующих формированию «далитской идентичности» [Omvedt, 2006; Zelliott, 2010; Shah, 2001; Kumar, 2016]. Метафора тянувшегося к свету непокоренного дерева — некогда мощного и раскидистого баньяна, который был центром жизни и душой чамарского поселения, но по прихоти деревенской «элиты» оказался обрубленным и искореженным, — выступает стержнем романа¹.

БАНЬЯН — «ДЕРЕВО ЧАМАРОВ»

«Когда мы были детьми, расстояние между этими пипалом² и баньяном³ было таким, что мы там могли пройти», — поведал нам Бапу⁴. В тот день он был в хорошем настроении. Мне еще больше захотелось услышать подробности.

«А сейчас — глянь, как эти деревья прижались друг к другу: даже воздух с трудом проходит!» — заметил он и затем замолчал. Тишина тянулась — как маленький ручеек перед нами. Мне не терпелось услышать, что он еще скажет.

«Эта парочка еще в молодости обнялась, ничего не говоря и ни о чем не думая. А тут — человек не желает, чтобы другой человек даже приближался к нему!» — сказал Бапу, выходя из молчания, в котором, казалось, он полностью утонул. Морщинки на его лице стали глубже. Я чувствовал, что он пытался собраться с мыслями. Я наблюдал, как трепещут листья и сверкают молодые побеги на деревьях-близнецах.

¹ Перевод главы «Баньян — “дерево чамаров”» выполнен с хинди по изданию [Madhopuri, 2007]. При подготовке перевода проводилась сверка с оригиналом автобиографии на панджаби [Madhopuri, 2017]. Публикуется с разрешения автора. — *Здесь и далее примеч. перев.*

² Пипал (*Ficus religiosa*) — фикус священный, смоковница священная.

³ Баньян (*Ficus benghalensis*) — дерево, способное формировать новые стволы из воздушных корней и разрастаться на площади в несколько гектаров. В Индии и других странах Южной Азии считается священным.

⁴ Бапу — отец.

«Вот я тебе еще расскажу... Эти два дерева вместе посадили мой отец Рам Дитта и Тхакар — дед Рама Сингха Джхира».

Тут я стал высчитывать возраст деревьев. Зная, когда умер дед и сколько лет бабушке и отцу, я пришел к выводу, что их могли посадить где-то между 1876 и 1880 годами.

«Хочешь узнать больше — слушай... Шестнадцать *марла*⁵ земли для баньяна наша община выкупила у Каргара Сингха из Ниван-Вехры. Все на словах, без документов. Бхаи Харбанс Сингх, *паккавала*⁶, сам все промерял. В те времена *каминам*⁷ нельзя было купить землю, чтобы построить дом, не говоря уже о том, чтобы ее возделывать. Был такой неписанный закон — чамары⁸, чухра⁹ не могли покупать землю на свое имя, даже если у них были деньги», — Бапу ушел в свои мысли, которым я ни в коем случае не хотел мешать.

Люди из других каст — джаты¹⁰, брахманы, ювелиры, плотники, цирюльники, водоносы, чесальщики хлопка и прочие — называли наше дерево «баньяном чамаров». Джат, спрашивая у собрата по касте, откуда тот идет, мог услышать: «Ходил к чамарли — чамарскому дереву, договорился с четырьмя тамошними, будут работать поденно». Некоторые джаты непристойно его обзывали. Когда они уходили, от злости Бапу ругался им вслед.

В сезон жатвы джаты приходили к дереву нанимать работников — обычно вечером, когда большинство людей ужинали. Многие визитеры поверх *дохоти*¹¹ специально надевали нестиранную *курту*¹² или рубашку. На плече держали полотенце, которым отгоняли москитов с ног. После их ухода Бапу саркастически замечал: «И когда эти джаты соображать начнут? Все же к нам в дом идут, так надо хотя бы какую-нибудь тряпку наматывать на пояс!»

Про джатов, про посеы и про особенности почвы наши знали все. Большинство не хотели работать на полях, расположенных около песчаных дюн¹³: «Какой дурак станет вкалывать на песчаных полях?»

Также договаривались о еде. Обычно три раза в день работникам давали лепешку и два раза поили чаем. Бапу и мои двоюродные братья многим джатам говорили «нет», ссылаясь на то, что их якобы уже кто-то нанял. А потом говорили: «Он даже взвешивает зерно, которое дает нам для корма скота! Он плохое думает, работников дергает и шпыняет без конца, говорит, что у нас на перекур уходит очень много времени — но нам же надо делать перерывы! Кожа вся горит — работать на палящем солнце целый день!»

⁵ *Марла* — мера площади (ок. 25 кв. м).

⁶ *Паккавала* — здесь: богатый, т. е. живущий в прочном кирпичном доме (*лакка*) — в отличие от бедняков, строивших свои жилища из глины (*качча*).

⁷ *Камин* — низкий, подлый; неприкасаемый.

⁸ Чамары — кожевенники, метельщики (низкая каста).

⁹ Чухра — метельщики (низкая каста).

¹⁰ Джаты — земледельческая каста в Северной и Северо-Западной Индии.

¹¹ *Дхоти* — мужская бесшовная одежда: кусок ткани оборачивают вокруг бедер, один конец пропускают между ног и закрепляют на поясе.

¹² *Курта* — длинная рубаха без воротника.

¹³ Реки Панджаба (Пятиречья) несут много песка и разливаются в сезон дождей, оставляя песок на равнине.

На восходе и закате на ветвях пипала с воплями усаживались павлины. Затем перелетали на наши крыши, там распускали хвосты и начинали свои танцы. Мы кидали им зерно; они нас не боялись. Вороны клевали ягоды на дереве. Воробьи то улетали, то возвращались на его ветви. Я несколько раз замечал, что вокруг толстых стволов пипала и баньяна повязан *моули* — священный шнур — и как-то спросил Бапу о нем.

«Баньян в восточной части деревни — тот, что в хозяйском квартале, и наше дерево обвенчаны. Весь обряд был проведен полностью, вся деревня свадьбу справляла». Показывая на длинные толстые ветви деревьев и их густую тень, Бапу говорил: «Эти деревья — что ни возьми, наше благословение. *Моули* повязывают на стволы для их защиты и благополучия, как же иначе!»

Под кронами деревьев располагались ткацкие станки многих наших семей: ткачеством зарабатывали на жизнь. Это было дело непростое, оно требовало участия всех членов семьи. Сначала пряжу надо было связать в мотки, затем моток закрепить на веретено, и только потом можно было ткать. Бапу обычно вкапывал в землю несколько стволов тростника для основы. Они соединялись снизу, и получалась английская буква V — длинная тонкая конструкция. Иногда он устанавливал их в два ряда. Затем он ткал — протягивал веретено с шерстяной нитью между тростинками. Когда пряжа на одном веретене заканчивалась, он соединял конец нити с другим мотком, смачивая место соединения слюной. Так он быстро натягивал нити до самого вечера, а мой старший брат Бакхши помогал ему. На следующий день Бапу продолжал ткать основу, щеткой подкрахмаливая нити, чтобы они не спутывались. Он крутил и вертел каждую нить, смягчая ее слюной. Затем наступало время вплетать поперечные нити, и тут нужны были челноки. Бапу обычно сидел, свесив ноги в углубление в земле. Надавливал ногами на нижнюю часть станка — налево, потом направо — и быстро вплетал нити в основу. Если чувствовал, что челнок не движется достаточно быстро, добавлял горчичного масла. Челнок из черного дерева из-за постоянного использования был очень гладким и часто выскальзывал у него из рук.

Некоторые наши соседи-джаты нередко приходили посидеть с Бапу и его старшим братом около их станков и поболтать. В том числе и *тайя*¹⁴ Хари Сингх, которого в деревне все звали Хари Рам или «калека». Он и его старший брат, Чанну, звали меня: «Гудд, сбегай в лавку к брахману, принеси пачку сигарет!» *Тайя* Чанну почесывал голову и со смехом рассказывал о том интересном, что происходило на сахарной фабрике в Бхогпуре.

Я вприпрыжку бежал в лавку и моментально возвращался с сигаретами. *Тайя* и Чанну подходили к ткацкому станку — то порознь, то вместе — и там курили. У Рещу — Рещаме Сингха, их двоюродного брата, был радиоприемник, и он тоже сиживал с ними до самых сумерек. Я всегда подсмеивался над абсолютно ровным кругом, выбритым у *тайи* на голове: замечал каждый раз, когда тот сушил или проветривал волосы¹⁵. Гьяну — парикмахер — часто брил ему макушку или подстригал

¹⁴ *Тайя* — дядя (старший брат отца); уважительное обращение к старшему.

¹⁵ Длинные волосы носят сикхи-*кеидхари*, убирая их под чалму. Религиозные правила предписывают тем, кто прошел обряд посвящения в общину, не стричь волосы и бороду на протяжении всей жизни. Тем не менее различные отступления от правил были и остаются нормой, особенно в сельской местности, а также у сикхов, проживающих вне Панджаба.

бороду прямо под деревом. *Тайя* не был женат, и его часто за спиной звали одиночкой-*чхара* или же жеребцом.

Время от времени над нашими головами стрелой проносилась болтливая семейка попугаев. Когда Бапу отлучался от станка — принести из дома челнок или отойти по нужде — я тайком брал его *хукку*¹⁶ и затягивался. Если Бапу замечал меня за этим, он издали начинал ругаться на чем свет стоит.

Часто женщины-джатти¹⁷ давали свою пряжу или хлопок, и Бапу ткал им полотна с рисунком или белые простыни. Они звали маму к себе в дом, взвешивали там пряжу, а за работу платили натурой — пшеницей или кукурузой. Я постоянно увязывался за ней в их дома. Когда процедура заканчивалась, и хозяйка помогала маме водрузить тюк с хлопком или шерстяной пряжей на голову, она обычно говорила: «Постой, Сибо, дай-ка я угощу мальчика *гурам*¹⁸ — пусть порадуетя!». И я был страшно доволен — прямо слюнки текли, и бежал домой впереди матери, вытирая вечно текущий нос рукавом *курты*.

На этих станках ткали полотенца для армии, а также ткани с рисунком в виде зигзагов. Шелковая или хлопчатобумажная ткань была длиной 110 *газов*¹⁹, а рулон — 30 *газов*. Когда шелковая нить, вплетаемая в основу, провисала, Бапу набирал в рот воды и прыскал на просевшее место. Видя это, я хихикал. Но после двух-трех таких прысканий ткань снова натягивалась, и Бапу снова продолжал быстро ткать.

«Ну и какого шиша мы получали за нашу работу? Пять рупий за рулон! Все сырье покупали у ткачей-мусульман из деревень Хошнярпура — из Джоуры, Кханпура, Чандияла, Кхаласпура, да у *муниши*²⁰ Найновалия. Приходилось идти пешком, нести на голове тяжелые тюки весом по два *мана*²¹ — и под палящим солнцем, и в дождь, и в ливень, а когда и в страшный холод. Однако же все равно ходили», — печально рассказывал Бапу. Сейчас я знаю, что расстояние до тех деревень составляло от 7 до 27 километров.

«Наверное, мы рождены, чтобы нас мучили по-всякому. Как же было тяжело жить!» — в его голосе звучала неподдельная боль.

«Знаешь, что как-то произошло? Сюда, к станкам пришел сержант из полицейского участка в Бхопуре. Действительно — такой мужественный, чтоб его! Он велел мне и Дханне явиться в участок и принести рулоны ткани. Мы оба взяли по несколько рулонов и пошли туда. Он выбрал два рулона из тех, что мы принесли. Мы думали, что он заплатит за них. Но он обругал нас и велел быстро убираться и ничего не ждать от него. Бог мой, мы тряслись от страха, выбежали из участка — боялись, что он может нам какое-нибудь обвинение “пришить”», — вспоминал Бапу. И затем снова повторил: «Это ткацкое место было полно жизни! Такой тут стоял шум-гам!»

В моей юной голове немедленно возник образ: желтые листья баньяна трепещут на ветру. Я бежал, ветер обдувал мне лицо, и я ощущал тепло окутывавшего

¹⁶ *Хукка* — кальян.

¹⁷ Женщина из касты джатов.

¹⁸ *Гур* — сахар-сырец из тростникового сока.

¹⁹ *Газ* — мера длины (ок. 90 см).

²⁰ *Муниши* — писарь; учитель; также почтительное обращение к образованному человеку.

²¹ *Ман* — мера веса (ок. 40 кг).

меня счастья. Я почти что наяву слышал звуки из громкоговорителей, которые часто вешали на ветви этих деревьев-близнецов на свадьбах и по разным другим поводам...

«Наш Диван — мой *тайя* Диван Чанд — читал вслух «Хир»²². Мелодичный голос был у него. Половина деревни приходила послушать», — сказал Бапу, и тут на его лице появилась легкая улыбка.

Я тут же подумал о слепом *садху*²³ Гарибе Дасе, который обычно летом, сидя под баньяном, пел баллады-*кисса* о Пуране Бхагате²⁴, Коулан²⁵, Тара-Рани²⁶ и Дахуде²⁷. Одной рукой он играл на *эктаре*²⁸, другой — на *маджире*²⁹. Во время исполнения он пояснял истории и растолковывал их слушателям, попутно потягивая *хукху*. Длинная белая борода и усы были пропитаны дымом и, казалось, сливались с его неизменным свободным шафрановым одеянием. В длинных волосах под тюрбаном гнездилась масса вшей, и он без конца чесался. Все его звали Андха Садху — «слепой садху». Во время исполнения он мне по нескольку раз говорил: «Гудд, добавь углей в чашу». Часто он пел до полуночи, а когда собирался уходить, кто-нибудь его приглашал: «Махарадж»³⁰, завтра разделите с нами трапезу!»

Я также помню другого слепого *садху*, который называл себя Асламом. Он был крепкого сложения, носил зеленую одежду, на голове у него была шапочка. Всегда носил палку с металлическим кольцом с одной стороны. Он появлялся у нас в деревне два-три раза в год и останавливался в соседнем доме — у двоюродного брата Бапу. Он пел *каввали*³¹, *кафи*³² и другие религиозные песни; играл на фисгармонии или *саранги*³³, а его ученики — на *табла*³⁴ или тоже на *саранги*. В ходе исполнения он впадал в транс, тембр его голоса становился выше, и он прекращал замечать тех, кто сидел вокруг. Он был из нашей общины³⁵, но принял ислам — в поисках социальной справедливости. Его проповеди произвели сильное впечатление на трех сыновей моего *тайи*, и они стали его последователями. Он прекрасно знал «Гуру-грантх-сахеб»³⁶, часто подмечал

²² «Хир и Ранджха» — популярная панджабская романтическая трагедия — история красавицы Хир и ее возлюбленного Ранджхи. По сюжетным переплетениям ее часто сравнивают с «Ромео и Джульеттой». Самая известная поэтическая версия (1766) принадлежит панджабскому поэту Варис-шаху (1722–1798).

²³ *Садху* — аскет, подвижник; человек, отошедший от мирских дел и сосредоточившийся на духовных практиках.

²⁴ Пуран Бхагат — панджабский фольклорный персонаж, аскет, живший, по преданию, в I тыс. до н. э.

²⁵ Мата (матушка) Коулан — почитаемая в Панджабе полумифическая современница (супруга или духовная последовательница) шестого сикхского гуру Харгобинда (1595–1644).

²⁶ Тара-Рани (Рани Трилочан) — супруга мифического панджабского раджи Харичанда, известная своей глубокой религиозностью.

²⁷ Падишах Дахуд — героический персонаж многих панджабских народных сказаний-*кисса*.

²⁸ *Эктара* — однострунный музыкальный инструмент

²⁹ *Маджир* — музыкальные тарелочки.

³⁰ *Махарадж* — уважительное обращение.

³¹ *Каввали* — суфийские песнопения; обычно исполняются под аккомпанемент фисгармонии и небольшого барабана-*таблы*.

³² *Кафи* — североиндийская музыкальная форма.

³³ *Саранги* — струнный смычковый музыкальный инструмент с коротким грифом.

³⁴ *Табла* — небольшой парный барабан; широко используется в североиндийской классической музыке, а также в популярной музыке южноазиатских стран.

³⁵ Имеются в виду сикхи.

³⁶ «Гуру-грантх-сахеб» / «Гуру-грантх» — «Книга-гуру», главный священный текст сикхов, большая часть которого была составлена в конце XVI — начале XVII в.

ошибки чтецов-*грантхи*, которые те допускали при чтении *гурбани*³⁷, корил их и бросал им вызов: «Спросите меня, какое слово на каких страницах встречается. Хотите — прочитаю “Гуру-грантх” от конца к началу!» Многие жители деревни приходили послушать его рассуждения.

«Как-то наши *санты*³⁸ из Мехны устроили *акханд-патх*³⁹ — около ткацких станков, здесь, под баньяном», — слова Бапу еще больше подогрели мой интерес к этим *саджу*, поскольку я уже думал раньше о них. Хотя лет мне было немного, я помнил красивое светлое лицо *санта* Рамлала, обрамленное белоснежной бородой. В нашей деревне его очень уважали за добродетельность и образованность. Почти все собрались послушать его, когда чтение подходило к концу. Но когда пришло время раздавать *прасад*⁴⁰, под тем или иным предлогом большинство ускользнули. Этот случай наши обсуждали еще долго. Все говорили: «Если не собирались принимать *прасад*, то зачем тогда приходили?»

В дождливый сезон было не до ткачества, поскольку ухаживали за буйволицами *заминдаров*⁴¹ нашей деревни и тех, что были в округе — Сохалпур, Манадхери, Растаго, Сикандарпур, Дхада, Саноура. Договаривались о цене — половину либо две трети стоимости животного после продажи. Буйволиц привязывали под баньяном. Их молоко шло на простоквашу и *ласси*⁴². Из расположенных неподалеку колодцев приносили воду для их купания, подстригали хвосты и надевали узду. Бапу надевал им колокольчики на шею и на ноги. Вся семья ухаживала за буйволицами. Бапу, мой старший брат Бакхши и я носили песок из близлежащих каналов или песчаных дюн и посыпали землю у них под ногами. Когда наступала зима, мы с Бакхши собирали на улицах опавшие с деревьев листья, а иногда — тайком от джатов — листья сахарного тростника на полях, и подстилали их животным.

Когда буйволицы были готовы принести потомство, на них устанавливали хорошую цену. В большинстве случаев их покупали джаты. И тогда Бапу передавал покупателю веревку, которой было привязано животное, — после того, как мы за ним ухаживали год, а то и полтора. Все домашние обычно очень грустили.

Иногда буйволица приносила потомство прямо у нас, и тогда я мог играть с теленком. Пылинки с него сдувал, забавлялся, когда теленок жевал веревку. Кормил его самой нежной травой, а он пытался прихватить меня за руку — трогательно до слез! Гладил его по головке. Когда теленка отдавали вместе с буйволицей, я упрашивал, чтобы его оставили.

«Другая буйволица у нас будет — *пандж-кальяни*⁴³ или *бхури*⁴⁴, бурая красавица», — успокаивала меня мама.

³⁷ *Гурбани* — букв. «слова гуру»: текст «Гуру-грантх».

³⁸ *Сант* — букв. «просветленный, святой»; подвижник; набожный человек.

³⁹ *Акханд-патх* — ритуал непрерывного (более 48 часов) чтения «Гуру-грантх» от начала до конца. Обычно проводится в сикхских храмах-гурдварах.

⁴⁰ *Прасад* — часть подношения божеству (фрукты, сладости и др.), возвращающаяся в качестве «ответной милости» верующему. В сикхизме *прасад* в виде сладкой массы из равных долей муки / манки, масла и сахара раздают всем присутствующим по окончании совместной молитвы как символ равенства и гостеприимства. Отказ от *прасада* сикхи воспринимают как оскорбление.

⁴¹ *Заминдар* — зд. джат-землевладелец.

⁴² *Ласси* — сладкий напиток из разбавленной молочной сыворотки.

⁴³ *Пандж-кальяни* — буйволица, у которой пять белых пятен: белки глаз, ноги, кончик хвоста, лоб и рот.

Бапу не уставал нахваливать уже проданных буйволиц: «Бог видит, какая хорошая она была!» Иногда говорил: «Если бы у нас были деньги, оставили бы ее себе. Шерсть давала бы. Хорошая порода! Но не видать нам удачи...»

Под этим же деревом нас стриг цирюльник Рулийя, которого все дети звали *тайя*. Он нас усаживал в ряд на земле и заставлял снять *курты*. За работой он делал пару небольших перерывов — покурить *хужку* дядюшки Манхги или Далипа. Я уставал сидеть там — еще и собственные волосы впивались как колючки. Рулийя сначала стриг ножницами, потом машинкой, в качестве последнего оружия использовал бритву. Он доставал ее из сумки, натачивал на кожаном круте, затем проверял остроту, после чего окунал пальцы правой руки в кружку с водой и смачивал волосы между ухом и виском. Я дрожал от страха, а он успокаивал меня: «Ну все, все». При этом кольца в его ушах покачивались. Потом он брал маленькое зеркальце, которое лежало на земле, подравнивал собственные усы и бороду, заправлял волосы под свой белый, но испачканный тюрбан. Бапу, глядя на наши стрижки, обычно комментировал: «Вот же сукин сын — всю жизнь стрижет, а так как следует и не научился! Только глянь, как вкривь-вкось сделал! Глянь, Сибо, этот паразит мальчишке кожу тут порезал!»

Как-то я спросил Бапу: «*Тайя* идет нас стричь за четыре километра. У нас же в деревне *тайя* Гьяну и его отец Баба Натха — они же тоже стригут!»

«Они индусы, они нас не будут стричь», — ответил мне Бапу и занялся своими делами. Тогда я до конца не понял смысла этих слов. Но я же много раз видел, как *тайя* Гьяну подравнивает хвосты животным, которые принадлежали джатам.

Ткацкое пространство под баньяном и *пипалом* было просторным, и там всегда что-нибудь устраивали. Там проходили помолвки и свадьбы. Там начинались свадебные процессии. Там же собирались в минуты горя.

Благодаря этим деревьям наш квартал был местом развлечений всей деревни. Здесь разыгрывали представления, отмечали *сал*⁴⁵ — каждый год после сезона дождей, когда молились о благополучии скота. Это считалось одной из обязанностей чамаров. Готовиться начинали за месяц до праздника. Все молодые люди, проживавшие в округе, собирали необходимые припасы для разных ритуалов и для актеров, которые приходили выступать. С каждого дома собирали примерно *сер*⁴⁶ с четвертью зерна за каждого животного. У нас, чамаров, и у многих бедных джатов зерна часто не хватало, и потому неимущие джаты утаивали количество животных, которыми владели.

Сал отмечали для того чтобы защитить скот от ящура и чтобы ублажить богов. Главным среди *бхагатов*⁴⁷, ответственных за проведение ритуала, был Кирпа из Кадяна⁴⁸ — высокий, широкоплечий, хорошо сложенный. Он всегда был одет в шафрановые одежды, а на шее носил многочисленные четки. Его дочь Нанти была замужем за Массой — из нашей общины, и он тоже был последователем Кирпы. Он

⁴⁴ *Бхури* — коричневый, бурый.

⁴⁵ Сал — букв. «год».

⁴⁶ Сер — мера веса (ок. 0,9 кг).

⁴⁷ *Бхагат* (*бхакт*) — приверженец, поклонник, адепт *бхакти* — мистической разновидности индуизма, предполагающей личные взаимоотношения человека и бога. Ранний сикхизм (XVI в.) относят к одному из направлений североиндийского бхакти.

⁴⁸ Кадян — город на севере Пенджаба.

любил, когда его называли Масса Сингх, но дети за спиной его звали Масса-рангхар⁴⁹. Когда корова или буйволица не давали молоко, он делал шарик из муки, что-то бормотал и дул на него. Затем ворчал по поводу хозяйки скотины: «Глупая баба! Корову нормально не кормит — и что, молоко с небес прольется?» По ходу отпускал шуточки: «Вот пришла — спустить все деньги!» Или: «Говорит мне: ”Братец, невестка моя никак не понесет...” А я-то что могу с ней сделать?» Он часто так подшучивал себе под нос.

Праздновать *сал* начинали за глинобитной стеной нашего дома. Там была небольшая земляная платформа, которую покрывали штукатуркой из смеси с коровьим навозом. После этого читали мантры и *шлоки*⁵⁰ в честь Бабы Сиддха Чано⁵¹. На этой платформе каждый раз на новолуние (*сангранд*) и в безлунную ночь (*амавасья*) у нас в квартале раздавали толстые сладкие лепешки-*роти* и *чурму*⁵² — чтобы скот был в полном порядке и здравии. Лепешки делали из смеси пшеничной и кукурузной муки с *гурам*.

Баба Сиддх Чано или Баба Сиддх Вали — очень известное и могущественное божество чамаров, которому поклоняются как защитнику животных. Рано утром и вечером проводили *сход-акхару* в честь бога Кришны и Бабы Сиддха Чано. Один из *бхагатов* читал *шлоки* и играл на фисгармонии, а еще два боролись — как атлеты. Рассказчик повествовал о Кришне — великом правителе и воине: «Как-то стали бороться — он и Баба Сиддх Чано. Восемнадцать дней продолжался поединок, но не мог Кришна победить Сиддха Чано. И тогда в последний день Кришна наступил ногой на день — когда Сиддх Чано обычно отдыхал — и сделал так, что он не заканчивался и закат не наступал. Вот так он и смог победить».

Главное действо проходило в последний день и вечер *акхары*. Собирались все из нашей деревни, приходили люди из других деревень в округе, и вдоль домов выстраивалась еще одна стена из женщин, детей и стариков. Проводили *ардас* — обряд почитания гуру Равидаса⁵³. Затем один из поклонников по имени Бхоура набирал в рот горячие угли, жевал их, а затем выдувал пламя изо рта. Прочие *бхагаты* в это время пели: «Бхоура съест огонь!» Зрителей эта сцена каждый раз брала за живое. Когда представление заканчивалось, музыканты затягивали: «Тха- тхайя, тха-тхайя!»⁵⁴ И тут на середину сцену к ним выпрыгивал одетый женщиной танцор и запевал:

Одета в муслин,
Но жарко все равно!

или
Портной, не меряй мою талию,
Но спей мне платье!

⁴⁹ Рангхар — мусульманская этническая группа в Северной Индии, а также в пакистанских провинциях Пенджаб и Синд.

⁵⁰ *Шлока* — эпический стихотворный размер; двустопишие из 32 слогов.

⁵¹ Баба Сиддх Чано — популярное в Северной Индии божество. Считается крайне суровым, но справедливым и необычайно могущественным.

⁵² *Чурма* — североиндийское сладкое блюдо из пшеничной муки, сахара и топленого масла-*гхи*.

⁵³ *Бхакт* Равидас (ок. 1450–1520) — средневековый поэт-мистик и философ, чьи гимны включены в священный текст сикхов «Гуру-грантх» наряду с произведениями сикхских гуру и других *бхактов*. Равидас был кожевником-чамаром, и поэтому его взгляды на социальное устройство общества были понятны и близки низкокастовым сикхам.

⁵⁴ *Тха-тхайя* — звукоподр.: барабанный ритм.

или же

Джатти — как соблазнительный плод.

Черная кобра проглотила ее!

Это было знаком, что артистам пора платить. Если кто-то один или группа зрителей давали больше пятисот рупий, то процесс оплаты затягивался. Купюры привязывали к концу палки, шеста или копья и высоко поднимали. Танцор свистел в два пальца, музыканты начинали играть чуть тише, а зрители поддерживали и нахваливали тех, кто дал деньги. Частенько кто-то, подвыпив, ловил «девушку», и «она» прикидывалась, что застенчиво опускает взор, шарила руками по карманам выпивохи в поисках денежных купюр.

В нашу деревню часть приходили артисты-мираси⁵⁵ из Манахдхери в дистрикте Хошиярпур. Жители той деревни не дали мираси уехать в Пакистан, когда шли погромы в 1947 году⁵⁶. *Бхагаты*, которые приходили праздновать *сал*, и артисты — все были чамарами из деревни Пиппланвала, тоже хошиярпурской. Они вместе с *бхагатами* разыгрывали разговор джата с наемным работником — примерно так:

Джат: Эй, братец Дханна, работа нужна?
 Работник: Да, господин!
 Джат: Сколько возьмешь?
 Работник: Кормить будете.
 Джат: Кормить буду.
 Работник: Одевать будете.
 Джат: Одевать буду. Еще что-то?
 Работник: Мыло и масло дадите.
 Джат: Да-да, мыло и масло дам. И...
 Работник: Тогда я вас обую!⁵⁷

За этим следовал взрыв смеха, и «джат» делал вид, что хлещет «работника» кожаными ремнем, а «работник» приподнимал свою *курту* для удара.

Так — в смехе и развлечениях — проходила почти вся ночь. *Бхагат*, исполнявший главную роль в празднестве, в какой-то момент вступал со словами: «Кхупия, Бхима — где вы есть? — подойдите к помосту!»

В конце представления *бхагата* Кирпу усаживали на лежанку-*чарпаи*, и четверо мужчин доставляли ее к западной границе деревни: там Кирпа должен был совершить магический обряд и изгнать злых духов из животных. К *чарпаи* привязывали что-то типа слоновьего хобота — как будто бы он ехал на слоне. Тем, кто его несли, категорически запрещалось разговаривать друг с другом. Несколько раз я тоже ходил с ними, чтобы посмотреть на обряд. Нас — детей — останавливали на некотором расстоянии от границы деревни, чтобы никакой злой дух не мог на нас напасть.

«Да, в этом году было тяжело! Скот на самом деле одолевали злые духи!» — так говорили носильщики по возвращении.

⁵⁵ *Мираси* — мусульмане.

⁵⁶ Предоставление Индии независимости в 1947 г. было сопряжено с разделом страны на две части — собственно Индию и Пакистан — с массовыми переселениями мусульман, индусов и сикхов. По всей стране шли индусско-мусульманские погромы, в которых счет погибшим шел на сотни тысяч человек.

⁵⁷ Букв: «Дам башмаком по голове».

«Кирпа-*бгахат* весит немало! Кхушия — самый невысокий, ему, должно быть, тяжелее всех пришлось», — думал я.

На рассвете *чоукидар*⁵⁸ Джагар выкрикивал: «Эй, забирайте скотину назад!»

Всех животных по одному приводили назад из-под «сиалкотского»⁵⁹ баньяна, к ветвям которого были привязаны кокосы, завернутые в красный шелк и перевязанные шнурами-*моули*. Эти ветви склонялись над тропинкой как арка над царской процессией. После этого все хижины и *хавели*⁶⁰ в деревне окропляли водой, жгли благовония. Часть благовоний раздавали, чтобы их можно было использовать позже для животных.

В летнюю жару и во время сезона дождей под нашим баньяном собирались игроки в карты. Лягушачьи трели в пруду сливались с бульканьем *хукки*.

Сестры моего отца, как и дочери из других семей нашей деревни обычно навещали родительский дом во время праздника *ракхи-бандхан*⁶¹. В этот день Бапу и его братья час-другой носили на запястье нити-обереги — *ракхи*, а затем привязывали их к своим *хуккам*, где они оставались на месяц или около того.

На нижних ветвях баньяна устраивали качели для детей. Для девушек и молодых женщин — на тех, что повыше и покрепче. *Таи*⁶² Таро — джатти — и *чачи*⁶³ Чхинни раскачивались так высоко, что при виде их мое маленькое сердечко трепетало, и казалось, что я не могу ни вдохнуть, ни выдохнуть.

Наш баньян был укрытием для всей деревни во время сезона дождей; он был также свидетелем и многих радостных событий, и страхов, и волнений, и переживаний, и ссор. Каждый раз, когда рядом по дороге проезжал на повозке юноша-джат, он натягивал веревку, осаживая своих волов, начинал петь и выглядывать наших девушек через стены домов. Кто-нибудь из наших спрашивал:

«*Мама*⁶⁴! Что, повозка по внешней дороге никак не проходит, да?»

Или в его адрес летело: «Эй, не можешь сидя, что ли, проехать?» А кто-то сетовал: «Вон он — позирует как Рани Кхан⁶⁵! Они все грозятся, что запретят нам справлять нужду на их землях! Как будто ваши задницы лучше, чем наши, — и потому господь дал вам землю! Что, мы чем-то отличаемся?»

К нам частенько заявлялись вдрызг пьяные Бакхтоура или его младший брат, известный как Длинный Содхи, и громко поносили весь квартал чамаров. Этого было достаточно, чтобы разгорелась ссора между общинами и началась драка. Мелькали палки, стороны выливали друг на друга ушаты проклятий и оскорблений. Стычка прекращалась минут через пять, когда *тайя* Чаннан Сингх, отругав своих сыновей,

⁵⁸ *Чоукидар* — сторож.

⁵⁹ В той части деревни проживали выходцы из СиаLKота — города, оказавшегося в пакистанском Пенджабе после раздела Индии в 1947 г.

⁶⁰ *Хавели* — каменный дом.

⁶¹ *Ракхи* / *ракша-бандхан* — традиционный индусский праздник, в ходе которого сестры надевают на запястье братьев повязку-талиман для защиты от злых сил. В свою очередь, братья дарят сестрам подарки и обязуются им покровительствовать всю жизнь. Праздник проходит в день полнолуния месяца *шраван* (июль-август).

⁶² *Таи* — тетка (жена старшего брата отца).

⁶³ *Чачи* — тетка (жена младшего брата отца).

⁶⁴ *Мама* — дядя (брат матери).

⁶⁵ Рани Кхан (1946–1993) — известная пакистанская актриса, пенджабка; снималась в кино в 1960–1980-х гг.

приказывал другим: «Прекратите это! Мои дети уже достаточно опозорили мои седины!»

«Чего только не творилось у нас под этим баньяном!» — с таким чувством как-то произнес Бапу, что мы поняли: он хочет что-то нам рассказать. Это было поздним вечером, после ужина.

«Да, Бапу, расскажи!» — мне не терпелось узнать.

«Еще до раздела⁶⁶ — погромы тогда еще не начались — *намбардар*⁶⁷ Шер Сингх часто навещался сюда, к нашим ткацким местам, и приказывал: “Тхакра — ты и Кхушия, завтра принесите траву для лошади *тханедара*!”⁶⁸

Мы должны были принести траву в полицейский участок. Сначала показывали тюки с травой *намбардару*. Он поднимал тюк — как бы взвешивая, а заодно проверял, хорошая трава или нет. Мы и без того боялись даже войти в участок. Так и стояли около тюков, пока он не давал добро. Если с лошадьёю *тханедара* что-то случится, то нам будет беда: нас же обвинят в том, что принесли плохую траву. Тогда время было очень тяжким для нас! Доктор Амбедкар⁶⁹ и Мангу Рам⁷⁰ боролись, и только потом стало лучше. После раздела полицейские по-прежнему приходили, но мы больше не стали носить траву в участок. Это теперь была свободная страна!

«Еще что-нибудь рассказать?» — глаза Бапу блеснули.

«Давай!» — отвечали мы.

«Как-то Аччхар Сингх, *заилдар*⁷¹ из деревни Лароа, и Шер Сингх, *намбардар*, проезжали тут верхом. Мы все были заняты — ткали. Тут *заилдар* спешился и принялся палкой лупить *чача*⁷² Чхадджу со словами: “Ты почему не придержал мою лошадь за уздау?!”

Чача молил его: “*Сардар-джи*⁷³, не заметил я вас — иначе придержал бы!” *Заилдар* проклятиями осыпал весь наш квартал. Орал: “Ты что, топота копыт не слышал?!” Вот уж беда, мы бросили свои станки, стояли и дрожали. Наконец, вмешался Шер Сингх: “Ну ладно, *сардар-джи*, Чхадджу Рам теперь будет внимательнее”. И они сели верхом и поехали в Растаго. *Заилдар*, сволоочь, — у него власть была, кого хотел, того мог посадить в тюрьму, кого хотел — выпустить. Говорили, смог выйти сухим после убийства — потому его все на свете боялись! Мог, сука, увести с собой сколько угодно человек, чтобы даром на него работали!»

Казалось, Бапу вот-вот взорвется от ярости. Мне казалось, что от него нам передавалось настоящее понимание свободы.

⁶⁶ Раздел Индии в 1947 г.

⁶⁷ *Намбардар* — престижная административная должность в деревне. *Намбардары* назначались англичанами из числа землевладельцев-*заминдаров* для сбора налогов и (совместно с полицейскими) контроля за порядком; должность передавалась по наследству.

⁶⁸ *Тханедар* — глава *тханы*, полицейского участка

⁶⁹ Бхимрао Рамджи Амбедкар (1891–1956) — индийский политический деятель, юрист, экономист; один из авторов индийской конституции, борец за права неприкасаемых.

⁷⁰ Мангу Рам (1886–1980) — участник национально-освободительного движения, панджабский политик; основатель движения *ад-дхарм* («изначальная вера»), боровшегося за права неприкасаемых.

⁷¹ *Заилдар* / *зилдар* — в колониальной Индии: чиновник, ведавший сбором налогов на уровне *зиллы* — объединения 40–100 деревень.

⁷² *Чача* — дядя, младший брат отца.

⁷³ *Сардар* — уважительное обращение к сикху, *джи* — гонорифическая частица.

Я раньше часто видел этого *заилдафа* с британскими замашками около полицейского участка в Бхопуре. Я также видел его и позже, когда он уже влачил жалкое существование. Но его надменность оставалась при нем — перо в тюрбане и манера высокомерно держаться говорили за себя.

Бапу продолжал: «Такова была наша участь. А вы, сукины дети, учитесь! Только так ваша жизнь станет получше! Сейчас времена изменились!»

А потом наступил день, который я себе и представить не мог. Забыть невысказанно — это был февраль 1972 года. То, что тогда испытал, осталось в памяти навсегда. Я заканчивал десятый класс. Когда я вернулся домой из школы, то увидел, что наши деревья — баньян и пипал — спалили. Вид истерзанных и изуродованных деревьев-близнецов был ужасен. Их толстые крепкие ветви валялись на земле подобно разрубленным на куски телам героев, погибших на поле боя во время исторических сражений. *Чоукидар* Джанар и его сыновья как палачи свирепо рубили и пилили огромные стволы.

Я тут же вспомнил предыдущую зиму, когда шла индо-пакистанская война⁷⁴ и почти все семьи проводили ночи под этими самыми деревьями, где были вырыты траншеи для укрытия. Когда около аэропорта в Адампуре или у сахарной фабрики Бхопура падали бомбы, люди бежали туда прятаться.

Именно под этими деревьями-близнецами люди собирались, чтобы по очереди охранять разные места в деревне. В те страшные ночи я чувствовал, как под деревьями пульсировала жизнь. Новые поддразнивания шли от Сварны — сына Индера Сингха, когда он со смешком говорил: «Секрет зимних ночных краж раскроется еще до *дашеры*⁷⁵. Верно, Кришна?» Мы, хоть и не были взрослыми, понимали смысл этих слов.

Глядя на сломанные и растерзанные ветви баньяна и пипала, валявшиеся на земле, я чувствовал, что защитная тень над нашими головами была разорвана в клочья. Углубления для ткацких станков выглядели открытыми и несчастными. Срублены и уничтожены единственные свидетели всей той тирании, которая выпала на нашу долю.

На лицах всех членов моей семьи было горе. Бабушка до следующего дня осыпала проклятиями причастных к этому варварству: «Чтоб они сдохли! Душу мне разорвали — Всевышний сделает то же с ними!»

Деревья-близнецы росли и набирали силу у нее на глазах — с того времени, когда она вошла в этот дом невестой. Она была потрясена тем, что деревья, которые посадил ее муж и которые стали настоящим раем для всего квартала, теперь уничтожены — столь жестоко и бессердечно.

Бапу тоже был очень расстроен. Но он успокаивал себя мыслью, что чему было быть, того не миновать. И что самое плохое уже позади. По крайней мере, теперь джатские молодчики не будут тут слоняться и сидеть под густой тенью деревьев-близнецов.

⁷⁴ Индийско-пакистанская война в декабре 1971 г. была связана с кризисом и гражданской войной в Восточном Пакистане, закончившейся сепессией этой провинции и образованием независимого государства Бангладеш.

⁷⁵ *Даше(х)ра* / *дасера* (санскр. «десять ночей») — индусский праздник в светлую половину месяца *ашвин* (сентябрь-октябрь). Представляет собой завершение праздника *навратра* («девять ночей») в честь богини Дурги, которая на 10-й день одерживает победу над демоном Махипасурой и убивает его. Также олицетворяет победу Рамы над Раваной, одержанную Рамой после поклонения Дурге.

Литература / References

- Kumar A. Dalit Autobiographies in the Punjabi Context. Nayar R. (ed.). *Cultural Studies in India*. London, 2016. Pp. 65–96.
- Madhopuri B. *Chāṅgyā Rukh (Atmakathā)*. New Delhi, 2007.
- Madhopuri B. *Chāṅgiā Rukh (Svajivani)*. New Delhi, (2002) 2017.
- Madhopuri B. *Chāṅgiya Rukh. Against the Night. An Autobiography*. New Delhi, 2010.
- Omvedt G. *Dalit Visions: The Anti-Caste Movement and the Construction of an Indian Identity*. Hyderabad, 2006.
- Shah G. (ed.). *Dalit Identity and Politics*. New Delhi, 2001.
- Zelliot E. Dalit literature, language, and identity. Karchu B. B., Karchu Y., Sridhar S. N. (eds.). *Language in South Asia*. Cambridge, 2010. Pp. 450–465.